

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К75

Серия «Гоголь»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
Иллюстрации на обложку и форзац предоставлены
ООО «Телеканал ТВ3»

Коханенко, Ольга Александровна
К75 Хома Брут / Ольга Коханенко. – Москва: Издательство
АСТ, 2019. – 316, [2] с. (Гоголь).

ISBN 978-5-17-108867-5

Семинарист Хома Брут в нечисть не верит. Все, что его заботит, – это как бы вечно пустое брюхо набить да в промозглую зиму в бурсе не замерзнуть.

Но нечисть не волнует, верит ли в нее Хома. И когда ректор семинарии отправляет его на дальний хутор, с ним начинает твориться суцья чертовщина.

Как распознать зло, порой оборачивающееся невинными и прекрасными созданиями? Как научиться с ним бороться, чтобы суметь выйти на поединок с самим Виём?

Подписано в печать 18.01.2019.

Формат 84 x 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.

Печать офсетная. Бумага типографская.

Гарнитура Vazhanov

Тираж экз. Заказ № .

Изготовлено в 2019 г.

Произведено в Российской Федерации
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008)

58.11.1 – книги, брошюры печатные
ТР ТС 007/2011

© ООО «Телеканал ТВ3», ил., 2019

© Ольга Коханенко, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Новелла I

ПРОКЛЯТЫЙ ХУТОР

Глава I

КОНДИЦИЯ

Звонко бьет семинарский колокол у ворот Братского монастыря. Собирает семинаристов — грамматиков, риторов, философов и богословов с тетрадами подмышкой. Спешат бурсаки, толкаются, бранятся между собою. Стоит на площади шум и гам, хоть уши закрывай.

Залихватский свист перекрывает шум, разливается в толпе гул:

— Ректор! Ректор идет!

Замирают бурсаки. Отряхивают пыльные зипуны, расправляют пояса, чешут невытые головы, трут рукавами чумазые лица.

Осматривая их нестройные, бурлящие ряды, пузатый седой ректор в длинной рясе прячет ухмылку в седой курчавой бороде:

— Тише, тише, обормоты.

Толпа постепенно стихает. Каждый бурсак хотя бы на время старается принять приличный вид. Оглядев их, босых, уставших, а порой и больных, ректор взволнованно и в то же время радостно произносит:

ПРОКЛЯТЫЙ ХУТОР

— Поздравляю с окончанием учебного года! Отправляясь на вакансию, прошу вас шкоды не чинить! — Он строго глядит каждому в глаза. — Не воровать и не накликать позор на бурсу.

Бурсаки мотают головами, крестятся, мол: «Что вы, батюшка?» Изображают на лицах полное смирение и покаяние. Но сложно стоять им спокойно, не выдерживая, снова принимаются они за свое: кто-то, скрывшись от глаз, рвет страницы опостылевшего учебника, кто-то радостно раздаст подзатыльники и гогочет тихонько, вполголоса.

— Ой, как жрать хочется, — схватившись за тощий живот, прошептал философ Хома Брут, уныло поглядывая на ректора. — Сам-то вон какое пузо отъел! — бурсак сердито покачал головою. — Хочет уморить нас голодом своими молитвами!

— Ага, — угрюмо вторил ему приятель, богослов Халява, рослый и плечистый парубок. На разбойничьем лице Халявы раздражение от речей ректора сменилось злостью, ничего святого явно не приходило бурсаку на ум. Но он стоял упрямо и ровно, слушая и заученно кивая.

— Пошарь по карманам, может, что завалялось у тебя? — взмолился Хома. — Не могу, ей-богу, сейчас помру с голоду.

— На вот, — сердито протянул Халява. — Удалось стащить сушеного окуня.

— И это все? — недоверчиво прищурился курчавый философ.

— Шо? — выйдя из себя, недовольно отмахнулся богослов, намереваясь убрать окуня обратно в шаровары. — Рано еще! Рынок только проснулся!

КОНДИЦИЯ

— Погодь ты! — Хома схватил окуня и, посмотрев на друга благодарно, как голодный пес, которому бросили кость, принялся жадно поедать окуня. — Спасибо! — Он осторожно оглядывался по сторонам, как бы в толпе не выхватили, а то ведь и не узнаешь кто.

— ...Бабы эти, только видят меня, рукавами все закрывают, — пожаловался богослов. — Ведьмы, — заключил он и сплюнул.

— ...Помолимся же Господу. — Ректор снял кlobук и протяжно запел: — Дух премудрости и разума пошли мне, Господи!

Бурсаки тотчас снимали свои шапки:

— Дух премудрости и разума пошли мне, Господи!

— Да они на всех нас так, — захихикал Хома, сбрасывая кость на землю и облизывая пальцы. Блаженство на лице его снова сменилось тревогой. Он вытянул длинную шею, оглядев площадь:

— Что-то Тиберий запаздывает. Эх! Зря мы послали его на промысел.

— Не зря! — Халява вдруг расплылся в довольной улыбке, которая так необычно смотрелась на его угловатом, грубом лице. — Смотри!

В толпе промелькнул ритор Тиберий Горобец с бегающими глазками и громадной шишкой на лбу. Пригнувшись, тощий ритор ужом заскользил между бурсаками. Очень скоро он вынырнул прямо возле Хомы и Халявы. Под одеждой у него что-то шевелилось, зипун странно пучился во все стороны. Выругавшись, Тиберий сдвинул подмышку локтем. Раздался поросячий визг, который тотчас поглотился пением толпы.

ПРОКЛЯТЫЙ ХУТОР

— Да это порося! — забывшись, в голос загоготал Хома. — Ну и проворен ты, Тиберий!

— ...И просвети сердце и ум мой! — самозабвенно басил ректор.

— ...И просвети сердце и ум мой! — вторили бурсаки.

— У-у, маленький совсем! — наклонившись, Халява заглянул дергающемуся Тиберию под зипун.

— Поди сам такого достань! — обиженно засопел Тиберий, отбросив руку Халявы.

— ...И вся во славу твою научитесь ми!

— И вся во славу твою научитесь ми! — опомнившись, кисло пропел Халява и прошептал: — И вправду уморить нас хочет, святоша. Целыми днями молимся. Всем известно, что от постоянных молитв можно тронуться умом!

— Да неужто? — усмехнулся философ. — Тогда бы уже весь монастырь тронулся!

— А ты думаешь, нет таких?! — богослов сердито сверкнул глазами. — Ничего вы не знаете, мелкота, носитесь со своими учебниками! Известное дело, в нашей же семинарии был такой случай.

— Какой такой случай? — сдавливая порося, недоверчиво пристал ритор.

Богослов надулся как помидор, но все же ответил:

— Сам бывший ректор семинарии тронулся умом. Давно это было, откуда вам, мазунчикам, знать!

— Брешешь! — не поверил Хома. — От молитв?!

— Вот те крест, не брещу! — Халява перекрестился. — А вы, стало быть, не слышали про ректора Варфоломея?

КОНДИЦИЯ

Хома и Тибери́й отрицательно замотали головами.

— Шо еще за Варфоломей? — допытывался ритор.

— Всем известно, бывший ректор. — Халява авторитетно сплюнул себе под ноги. — Очень любил молиться! Все искал древние церковные книги, священные писания.

— Что-то я всех ректоров знаю, а о таком ни разу не слыхивал, — хмыкнул философ.

— И шо, нашел он эти самые книги-то?! — от любопытства у Тиберия загорелись глаза.

— Темнота! — хохотнул богослов. — Про Варфоломея просто нигде не пишут, так как семинария его стыдится. Было это лет сто назад, уже никто ничего и не помнит толком. Но знающие поговаривают, что так зашел у него ум за разум, что ушел он в затворники и объявил себя борцом с нечистью, представляете? — Халява грубо заржал.

Хома с Тиберием недоверчиво сощурились. Поросля завизжал. Ритор сморщился и засунул веревку с жупана в пасть развопившемуся поросю.

— Было-было, — подтвердил Халява. — Совсем спятив, он утверждал, что сама семинария полна нечисти! И стены ее прокляты! А однажды ночью, говорят, стащил все серебро из семинарии и исчез. Так его и не нашли.

— Да как же он утащил столько серебра? — неуверенно буркнул Хома.

— Этого не знаю, — отмахнулся Халява. — Может, помог кто? А может, и не много его было, того серебра. Только я думаю, он и тронулся-то от излишнего усердия. Какая еще нечисть в семинарии может быть?

ПРОКЛЯТЫЙ ХУТОР

— Знамо, кака нечисть! — вступился Тиберий. — Сейчас ее особливо много развелось, всем известно! И тогда наверняка была!

— Ну-ну, — рассмеялся Халява.

— А шо?! — вскинулся Тиберий. — Даже на нашем рынке ведьм полно! Сегодня так и хватали меня! И проклинали! И руки у всех нечистые, и морды поганые! Еле ноги унес!

— Надо было на хвосты им плевать! — с сочувствием посоветовал Хома. — Всем известно: увидишь ведьму — сразу плюй ей на хвостик, она и спужается!

— Ничего! Я и так от них отбился! — ритор надул грудь колесом. — Не так-то просто схватить Тиберия! — Он наклонился, чтобы поцеловать свою добычу в пяточек.

Громко завизжав, порося извернулся — и как выскочит у Тиберия из рук! Плюхнувшись ритору на сапоги, скотина издала истошный вопль и, задрывав маленькими ножками, рванула в толпу.

— Держи его! — только и успел крикнуть Тиберий.

— Аминь! — пропел ректор и стал крестить воздух во все стороны.

Как по команде Халява и Тиберий бросились за поросем. Рослому Халяве никак было не протиснуться; с трудом пробираясь в толпе, он отстал. Толкаясь, шустрый Тиберий вырвался вперед, но тотчас отхватил такого тумака от какого-то бурсака, что повалился на землю и застонал.

Наблюдая за ними, философ решил действовать хитрее. Упав на четвереньки, он юркнул за скотиной прямо между ног стоящих. Хватаясь за колени и про-

КОНДИЦИЯ

межности, бурсаки охали, осыпая Хому проклятиями, но он неудержимо двигался вперед.

Глупый порося неся аккуратно в сторону ректора. У философа защемило сердце от страха. Еще один прыжок, и удирающая скотина вырвется из толпы. Изловчившись, Хома оттолкнулся руками и, проехавшись на пузе, схватил животину за вертлявый хвостик. По площади разлетелся отчаянный поросячий визг.

— Это что такое? — прервав чтение, ректор нахмурил кустистые брови.

Толпа враз зашумела и с гоготом расступилась, открывая замершего на четвереньках Хому, еле удерживающего за хвост ошалевшего от страха порося. Осрамившись, семинарист скованно потянулся, стараясь удержать скотину за скользкие бока, чтобы унять:

— Молчи ты! Иди сюда!

Порося обиженно заверещал и лягнул Хому в нос.

— Ай! — вскрикнул философ и выпустил его. Порося мгновенно обогнул улюлюкающую толпу, которая все же не решалась нападать на него перед взором ректора, и, прихрамывая, в полминуты унесся с площади. Не выдержав, бурсаки повалились со смеху. Дисциплина была окончательно нарушена.

— Снова промышляете воровством? — раздался над головою философа сердитый голос ректора, и бурсаки неохотно притихли. Ректор сделал несколько шагов, подойдя к Хоме, лежавшему в пыли с распухшим, как слива, носом. — Хорошо же, отдохни пока, — ректор обвел глазами бурсаков и махнул рукой. — Отправляйтесь все с Богом!

ПРОКЛЯТЫЙ ХУТОР

Толпа радостно поклонилась, загалдела и потекла с площади в разные стороны.

— А ты останься, дело есть, — приказал ректор Хома, отходя в сторону и пропуская бурсаков.

Через пять минут не осталось никого, кроме ректора и дьякона, о чем-то шептавшихся у дверей монастыря и, казалось, совершенно забывших про философа. Хома робко пошевелился, решив незаметно уползти за остальными.

— Куда? А ну стоять! — обернувшись, гаркнул на него ректор.

— Пороть будете? — задрав чумазую голову, Хома заискивающе улыбнулся самой широкой и жалобной своей улыбкой.

— Надо бы, — пузатый ректор надулся и задумчиво пожевал губу. — Впрочем, у меня есть идея получше, — он недобро ухмыльнулся. — Ты ведь сирота?

— Сирота, — Хома уселся на землю и сделал такую грустную мину, что ректор сплюнул, перестав сердито хмуриться.

— Ну, значит, никуда не торопишься, — заключил он, поднимая парня за шиворот и отряхивая его от пыли. — Давай-ка поговорим. Ты кто таков?

Бурсак внезапно почувствовал сильную слабость. С трудом удержавшись на ногах, он пробормотал:

— Хома Брут аз, Ваше Высокопреподобие.

— Что-то ты какой-то совсем вялый, — ректор пригледелся к нему и неожиданно спросил: — Саблей владеешь?

КОНДИЦИЯ

Хома замотал головою, стараясь сбросить оцепенение и дурноту. Не помогало. Как в тумане, он слабо промямлил:

– Владею, Ваше Высокопреподобие.

– Откуда? – Видя, что парубку совсем нехорошо, ректор отпустил ворот его рубахи и немного отступил.

– Козаки дитём учили, на хуторе. Еще до бурсы, – моргая, чтобы согнать пелену с глаз, признался философ.

– Значит, неважно владеешь, – разочарованно заключил ректор. – Ну, тебе же хуже. Вот что, братец, отправляйся-ка ты на дальний хутор.

– Зачем это?! – почувствовав, как дурнота внезапно ушла, парень насторожился.

– Затем это! – грубо отрезал ректор, надувая усы. – Один зажиточный пан хочет обучать сыновей Святому Писанию.

– А я при чем? – удивился философ. – Я...

– Нет, ну какой неблагодарный! – возмущенно прервал его ректор. – Когда тебе еще, обормоту, представится такая возможность?! Он еще кочевряжится! Говорю тебе, тот пан щедро платит, – ректор сменил гнев на милость. – Через год, глядишь, выдаст тебе новые сапоги. А если детишки наберутся уму-разуму, то, может, даже сюртук купит. Да и семинарии он помог... Так что ступай, – улыбнувшись, как хищный зверь, велел ректор. – Если сейчас выйдешь, аккуратно за два дня доберешься, – и, не слушая никаких возражений, он повернулся к дьякону: – Выдать ему ржаных сухарей да сушеных фруктов! – дьякон поспешно поклонил-

ся. — И саблю, — добавил ректор и задумался. — Какую попроще...

Тяжело зашагав прочь, он скрылся в дверях семинарии.

— Зачем саблю-то? — испуганно выдохнул Хома. Ответа не последовало.

Через полчаса, получив все, как наказал ректор, голодный бурсак отправился в путь, горюя о сбежавшем поросе и взволнованный внезапно представившейся ему кондицией.

На выходе с площади его поджидали, сидя на брусчатке, богослов Халява и ритор Тиберий. Тиберий подскочил при виде философа и подбежал поближе, сгорая от любопытства, но не решаясь спрашивать.

Разглядывая свои дырявые сапоги, Халява недобро ухмыльнулся в черные усы:

— Что, задал тебе ректор крупного пороху?

— Нет, — с усмешкой ответил Хома, выпятив грудь колесом, и, не останавливаясь, прошел мимо них. — На кондицию отправил. К зажиточному пану.

— Да как же это?! — богослов мгновенно забыл про сапоги. Тяжело поднявшись, он поспешил за философом. — Это за какие такие заслуги?!

— За разные. — Хома деловито прикурил люльку.

— А сабля у тебя откуда? — семена за ними, ритор удивленно открыл рот.

— Подарок от ректора, — хмуро отмахнулся философ и поправил дорожный мешок на плече.

— Ух ты, какой пышный! — богослов смачно сплюнул табак из люльки на землю. — Чую, что-то здесь не чисто!

КОНДИЦИЯ

— У тебя кругом все нечисто! — Хома поджал губы и продолжил шагать, мрачный как грозовая туча.

Тиберий остановил его, робко встав посреди пути и схватив за краешек жупана:

— Ну, расскажи, а? ШИбно любопытно.

— Сам не знаю, что и рассказывать, — выдохнув, философ поник. Вся его спесь разом улетучилась. — Сперва я думал, что он меня накажет за порося, а он раз — и про пана заговорил. Говорит, ежели буду стараться, через год купят мне новые сапоги, а может, даже сюртук.

Халява присвистнул.

— Нечему тут радоваться! — признался Хома и, не сбавляя шага, с досадой пнул камень. — Ох, и не нравится мне это!

Горбатая старушка, медленно шедшая им навстречу, завидев бурсаков, мгновенно перебралась на другую сторону улицы, не забывая оглядываться и креститься без устали. Пройдя всю улицу, бурсаки вышли к безлюдной поляне.

— Такая честь! — размечтался Тиберий, едва поспевая за Хомой. — Ну, правда, чего ты тревожишься? Работенка хорошая, да и награда щедрая!

— Тоже мне радость, обучать мелкоту, — остановившись, пробубнил Хома. — Может, враки одни, что заплатят! — он сердито вытер нос рукавом, оглядываясь вокруг. — Отправил бы ректор меня, дурака, когда столько желающих! Явно, тут что-то нечисто! — Нащупав табак, Хома снова набил люльку и уселся на землю возле ясеня. Тупая сабля звякнула о сапог. — Еще как дурень тащусь с оглоблей этой! — бурсак сердито